

Вышел в свет третий выпуск журнала «Сибирь». После прочтения ярких и интересных публикаций вспомнилось выражение Валентина Распутина, великий мыслитель верно отметил, что писательское слово на Руси бессознательно пытались хоть как-то, хоть в малой мере восполнить недостающее слово православных пастырей.

В наше время духовного окормления не хватает всем. Рационализм существования привлекает множество людей только до стадии сытости. Потом своим од нообразием начинает угнетать душу. А точнее, ту её сокровенную часть, которую никакими материальными благами не утетишь.

Нынешние многочисленные российские представители всемирного общества потребления потеряли метафизический взгляд на мир во всей его целостности: когда одновременно видишь *звёздное небо над головой и нравственный закон внутри нас*. Но с тех давних пор, как философ Кант написал эти строки, обсуждение «нравственного закона» в мире как-то застопорилось, шло вяло, пока почти совсем не сошло на нет за рассудочными построениями. Осталось только туристическое «звёздное небо» над пляжами и мегаполисами.

Нам, сибирякам, европейской рациональности Бог не дал. Почитайте любой рассказ или повесть в журнале «Сибирь», где обязательно показан скрытый или явный романтик. Бывает, герой и умный, и сильный, а всё с причудинкой. Но что ещё принципиально отличает таких героев от персонажей «мыльных» телесериалов, так это счастливая особенность помнить о жизни вечной. Им душеполезно после дневных забот сесть и почитать журнал «Сибирь», узнать нечто новое о том, как пытаются люди прийти к вере.

Вся история утверждения Православия в Западной и Восточной Сибири — тяжкий путь подвижничества и борьбы. От Москвы, через Тобольск, Енисейск, к Иркутску шли пути-дороги православных пастырей. И здесь возле Байкала, как на месте горнем, жили и молились священники, Богом отмеченные... Далеко не в каждой епархии на Руси служил пастырь-чудотворец, чьи мощи после кончины оказались нетленными... В третьем номере опубликована статья, посвящённая столетию со дня его канонизации святителя Софрония, Иркутского чудотворца.

Кажется, общество здесь, в Восточной Сибири, в середине 18-го века, было такое же, как и везде на Земле Российской: *«произвол и притеснение всех и всюду власть имущими, сутяжничество людей торговых и коренных жителей, ссыльные люди — всё это со всеми пороками встало перед взором прибывшего архипастыря»*. И великий всеохватный духовный труд надо было святителю Софронию вложить в паству, чтобы потом выросли, окрепли и стали национальной гордостью первопроходцы, определившие весь ход освоения Сибири.

Истинно православный человек появился не сразу, он возрастал среди наших предков трудно и медленно, внутренне меняясь, очищая душу от неисчислимого зла и снова попадая в его плен. Этот долгий процесс можно проследить по произведениям православных писателей, таких как Владимир Крупин. «Сибирь» публикует его рассказы под общим названием «Три пирамиды». Перед чтением я вспомнил ранее прочитанные в периодике путевые заметки писателя. Когда-то Владимир Николаевич отправился паломником на Святую Землю. И потом не мог ограничиться одной поездкой. Не раз летал туда самолётом, добирался на тепло ходе по морям, часто ходил по древним камням Иерусалима... босиком! От претории и до Голгофы, по всему Старому городу... И в творчестве своём паломник Крупин, образно говоря, никакой обувью и никакой одеждой от земного мира никогда не был защищён, потому-то человек воцерковлённый. И на горе Фавор, месте Преображения Господне, и в российской глубинке остро чувствует писатель русскую жизнь всей душой.

В рассказе Крупина о пишущих машинках вдруг читаю пронзительные слова: *«Ах, как остро не хватает в мире любви!»* И ещё: *«Главное в любви — благодарность тому сердцу, в котором живёшь. Нельзя из него уходить: оно сожмётся и начнёт умирать!»* Рассказ посвящён нашему дорогому Валентину Распутину. И дочитав до конца, делаешь для себя открытие: так это же заочный разговор автора с Распутиным! Например, сразу видишь собеседника-единомышленника, читая эти строки: *«Ну что, сказал я себе однажды, пора сдаваться. Победила русскую ментальность общемировая тенденция к стандартизации жизни, а? Ну, ещё немного потрепыхаемся, ну, ещё пообслуживаем остатки своих читателей рассказами о рассветах и закатах Руси, о сенокосах и рыбалках, о черёмухе над рекой и о замирании сердца, когда провожаешь девушку и стесняешься коснуться её даже мизинцем, а дальше?»*

И мои читатели вымрут, и я вымру. Но ведь Русь, Россия останется! Ну как иначе? Ну, неужели иначе? Ведь мир без России умрёт автоматически, Россия — душа мира, тело без души — пища червям. Конечно, так оно нам и надо».

Суровые слова, даже с нотками отчаяния вначале. Но... уныние — большой грех. И Крупин не поддаётся печали, и в конце беседы утешает и себя, и читателей: Русь останется, потому что останется православный человек на Руси! Крупин ищет надежду на спасение и находит её в церкви: *«...Не все же ставят похоти плоти выше спасения души. Ты сейчас из церкви пришел, шёл туда в сумерках, возвращался при солнце, видел же, сколько в храме деточек, сколько пап и мам, и бабушек, и дедушек, не печалься, всё хорошо».*

Рассказ «Алёшино место» об опыте воцерковления ветерана войны, инвалида. Такие уж у нас времена: молятся, смиренно ждут благодати не короткоостриженные бизнесмены, а странные бабушки, путешествующие по Байкалу, церковные сторожа и ветераны войны, рыбаки и рабочие. Когда после службы прохожу мимо подсобных помещений нашего Спасского собора, мне тоже часто хочется спрятаться там, как в родительском доме... жить послушником, помогать по хозяйству, молиться и поститься, и за забор на улицу не глядеть. Но надо идти за ворота и ехать на работу, и бороться, и нести добро. Прятаться православному за церковной оградой негоже, если есть силы. Надо помочь хотя бы одному человеку спастись — стать верующим! Может, и сам спасёшься. Как всегда, в журнале раздел «Поэзия», которым руководит известный российский поэт Владимир Скиф, представлен талантливыми авторами: Анатолий Александров (*«Неверный блик*

дуэльной стали»), Юрий Баранов («Засыплет снег знакомую тетрадь»), Сергей Чепров («И только Русь одна — Святая!»), Анатолий Лисица («Шли военные годы мои...»), Владимир Андреев («Соловьи над колыбелью»). И завершает раздел «Час поэзии», где подборка избранных стихотворений разных авторов.

Стихи Сергея Чепрова напоминают поговорки своей ёмкой афористичностью:

*И так от солнечной Италии
До поднебесного Китая
Разнообразные и «далее» ...
И только Русь одна — Святая!*

Такие стихи надо читать, подготовившись к восприятию чего-то очень серьёзного, духовного. Герои стихов — бабушки и деды, земледельцы и плотники. «Уходящая натура» сельской жизни с милыми подробностями быта, за которыми застарелая грусть потерь и расставаний. В стихах Чепрова нет персонажей из рыночной России. Только упрёк банкирам, что они «лопаты в руках не держали».

Стихи и рациональные рыночники — две вещи несовместные. Нынешняя русская поэзия не принимает в себя торгашеский дух. Подборка стихов Юрия Баранова — сей вывод подтверждает. Вроде, свою «революцию» — за возврат частной собственности — «рыночники» совершили, а радости нет, и своего Маяковского — прославить буржуазный «пир на весь мир» — тоже нет.

Во времена духовных перемен поэт — участник событий, к штыку прировнявший перо. Помните, как начинал Маяковский. Бутырская тюрьма. Общая тетрадь и стихи про «сотни томительных дней». А потом — революция, духовный взлёт, и к чёрту летят классические ямбы и хореи. Строки стихов звучат, как звонкие шаги матросов по питерской мостовой. Александр Блок оставляет свою размеренную задумчивую лирику, ломает литературные традиции поэмой «Двенадцать».

Сейчас время затишья перед «бурей», время «прибраться» по духовным «суекам» перед новой эпохой, собрать в стихи милое прошлое, словно дедушкины ордена — в бабушкин платок. О сем строки, которые Юрий Баранов посвятил Валентину Распутину.

*Он эту правду вынес из пожара,
Учил любви и души нам лечил.
Быть совестливым — суть такого дара.
«Очнитесь!» — он кричал что было сил.*

В разделе «Проза» представлены рассказы Владимира Крупина («Три пирамиды»), Дмитрия Воронина («Контрабанда»), Василия Забелло («Бурундук»), Владимира Максимова («Экзамен по научному коммунизму»).

Известный российский поэт Василий Забелло представляет в журнале два прозаических произведения. Герой одноимённого рассказа Боня со своими милыми дефектами речи получился очень живым и естественным. Он и вся его сибирская родня разных поколений живут, страдая и мучаясь. Читаешь и словно слышишь из самого сердца голос Любы из «Калины красной»: *родные мои, что же вы такие все неустроенные! Полно рыбы, дичи, а всё как-то неуютно живёте, словно в сарае с худыми стенами на семи ветрах... холодных, байкальских...*

Рассказ Дмитрия Воронина «Контрабанда» показывает, что новые поколения российских людей в отношении к старикам в рыночном бедламе — ещё не определились. За неуважение к старшим русских часто критикуют (и по делу) соотечественники южных кровей. У них иерархию выстраивает родство по крови. У нас,

как утверждают уважаемые профессора истории, в основном — территориальное родство, можно сказать, говорящая на одном языке община по защите большой территории. Такая община эффективна только в период мобилизации на великие стройки или на военные операции. В мирное, расслабленное «рыночное» время сплочения никакого. Обычаи почти отсутствуют, нравственные правила чуть намечены. В быту царит настороженный хаос. В боях революции 1917 года, а также в сражениях Великой Отечественной войны на несколько десятилетий старики «отвоевали» себе право на почёт и уважение в мирное время. Нынче молодёжь берёт «реванш» — всю тешит свою гордынюшку, вольно обращаясь со стариками. Ей пока не даёт совсем «слететь с катушек» ещё оставшаяся русская душевность, пусть грубоватая, но искренняя!

Много раздумий вызовет статья Юрия Похабова. Если хотите узнать историю жизни основателей Иркутска, написанную с любовью и признательностью, читайте исторические изыскания благодарного потомка рода Похабовых. Какими были Яков и Иван, где проявлялась их отзывчивость и доброта, а где приходилось быть жестокими в ответ на жестокость времени и жестокость окружающих племён?.. Это мы должны знать, чтобы правильно строить наше общее будущее, наши отношения с другими нациями и народностями... История должна быть не «объективной», а заинтересованной в межнациональном благополучии. Когда историк-космополит или нынешний либерал начинает «охранять» малые народы России от «имперского насилия русских», он разрушает российскую государственность, потому что вольно или невольно настраивает значительную часть населения против государствообразующего народа.

С помощью таких публикаций, как статья Похабова, мы начинаем восстанавливать историческую справедливость по отношению к истории русского народа, пытаемся вернуть себе самоуважение. Мы восхищаемся подвигом братьев Похабовых. Мы видим их реальные заслуги в освоении сибирских просторов. Эти просторы — живой организм, растянутый во времени и пространстве. Он бурлит и волнуется, как мыслящий океан в «Солярисе». В его волнах странным образом сосуществуют прошлое, настоящее и будущее.

«Иерусалимский погост» — так назвал очерк писатель Анатолий Байбородин. Погост стоял на самом вершине иркутской «плоскости», собранной из разных времён. Вокруг погоста в одном сегменте времени слышен вальс из окон дворянского дома 19-го века, в другом сегменте, с деревянной танцплощадки, — ритмы ансамбля «Машина времени», и по зарослям парка культуры и отдыха плывёт эхо песни: «Мы охотники за удачей, в куртках цвета ультрамарин», в третьем сегменте — сам погост на Иерусалимской горе...

Возвышенность с кладбищенским храмом, как горный град на холме, взирающий на Иркутск словно с небес... Но пришли времена, когда богоборцы порушили сей град... Художник Анатолий Костовский с болью и скорбью поведал автору очерка *«о сладострастии святотатства, помятая о Иерусалимском кладбище, кое закрыли 7 апреля 1932 года и разбойными набегами разорвали до 1957-го, когда, наконец, сравняли некрополь с землёй, срезали народную память ревуцими бульдозерами».*

Через много лет на это место придёт автор очерка писатель Анатолий Байбородин. Придёт в уже действующий парк культуры и отдыха... Сквозь эстрадный шум вдруг услышит великое молчание Иерусалимского погоста и немой укор всех усопших.

*«Недаром, «погост» — погостить прилегли в могилки усопшие, а после про-
снуты, но не все сто тысяч иркутян, погребённые на Иерусалимской горе, но
лишь праведники, кои до смерти повинились пред Богом и покаянными слезами
смыли с души скверну, словно копать с окошка...»*

Главное, что понял автор, сонм бессмертных душ иркутского прошлого нельзя «заровнять ревущими бульдозерами». Память, как бестелесное большое духовное «облако», существует в своём, соседнем с нами «сегменте», влияет на новые поколения, тревожит их, просит жить честнее и добрее. Без них нельзя построить ничего долговечного... Вспомним Иерусалим... Сколько веков пытались «пере-
делать» место, называемое Голгофой, ровняли с землёй, строили языческий храм
любви, другие постройки! Ничего не получилось. Ничего каменного не устояло.
Одна христианская вера осталась.

В очерке «Иерусалимский погост» все предки вдруг словно ожили в обрядах
памяти усопших. Писатель Байбородин знает не только описание, но и духовную
суть обращений к сородичам и согражданам, поменявшим сегмент времён с на-
стоящего на прошедшее... Как важно читать в эти строки, как важно нам всем
знать смысл обрядов... это, наверно, и есть умение разговаривать с милыми наше-
му сердцу «соседями» из другого времени, способ донести до них свою любовь, а
к Богу — мольбу о помиловании. Потрясает рассказ о том, как в советское время
громили, топили в Ангаре гранитные плиты памятников с Иерусалимского пого-
ста. Невольно вспомнилось: *в Сибири с 1721 года существовал «Регламент», по
которому все городские граждане делились на «регулярных» граждан (то есть
богатых, куда входили первая и вторая купеческие гильдии) и «подлых» — тех,
кто беднее...*

Смерть всех уравнила и содеяла подданными Божьего царства. А всё, что Го-
сподом отмечено — храм или погост, монастырская келья или икона в углу избы,
где повеет дымком ладана или ароматом еля, — всё на особом учёте князя тьмы.
И, узрев хоть малую искру святости, тотчас летит туда свирепый дьявольский слу-
га... И подбивает народ рушить и громить святыни. Для него любое проявление
Промысла Божьего — крах самого зла. Поэтому советские атеисты не могли оста-
вить в покое Иерусалимский погост... Он мешал строить мир без Бога. Они не
гранитные плиты могил топили в реке, а веру потомков в бессмертие людей, по-
хороненных под этими плитами, веру в то, что их образ жизни надо продолжать.
Автор очерка убедительно показал, какие за памятниками несметные «залежи»
истории, духовные подвиги наших восцерковленных иркутян. *«...Ломами и за-
ступами сокрушалась память о православном духовенстве и величавом купече-
стве, о героях Бородинского сражения, Русско-японской и Первой мировой войн,
о знаменитых горожанах, кои деяниями прославили Иркутск».*

Атеисты «добились» только того, что «социализм с человеческим лицом» сме-
нил капитализм — с криминальным... «Регламент» 1721 года время исковерка-
ло до неузнаваемости. Особо рьяные «регулярные граждане» стали подлыми в
прямом смысле, а «подлые» — ещё более бедными гражданами, питающимися
«нерегулярно».

Прочитав очерк А. Байбородина, читатель, даже ни разу не бывавший в Ир-
кутске, одобрительно отнесётся к идее восстановления Иерусалимского погоста.
Атмосферу маленького форпоста Святой Земли передаёт глава очерка под назва-
нием «Кладбищенский храм». В ней всё — и часть библейского сказания о Входе
Господа в Иерусалим, и увлекательные описания духовной жизни иркутян, свя-

занной с храмом. А кто ещё может так образно, природно-чистым, богатым на яркие краски, полнокровным русским языком рассказать о сибирских купцах?! Конечно, автор очерка — продолжатель православного писательского дела русских прозаиков Николая Лескова и Ивана Шмелёва.

Много лет занимаясь публицистикой, никак не могу «русскоязычным» писателям втолковать, что одного профессионального литературного языка для литературы мало! Надо чтобы язык нёс нам сокровенную информацию об особом лирическом строе нашей коллективной души и был основан на отечественных ценностях. Чем обогатит душу народа любой художник или поэт, если исповедует совсем другую философию, другую эстетику, чем большинство его зрителей и читателей?!

Впечатляет статья Бориса Башилова о государственном деятеле Российской Империи М.М. Сперанском. Статья эта из разряда тех, которые открывают нам российскую историю, как бы заново такой, какой она на самом деле была, — в непрестанной борьбе безбожников против Православия. Автор прав, утверждая, что «либеральные профессора сотни лет искажают и фальсифицируют точные показания современников, переделывая факты русской истории в удобном им духе». Я бы только добавил, что «цивилизация» европейского типа и состоит, в основном, из «приспособления» всех достижений ума, всех духовных ценностей к материальному комфорту. Дай такой цивилизации любое изобретение, она сделает из него миксер, чтобы сбивать сливки, или холодильник для хранения окороков. Дай ей Христианство — европейская цивилизация превратит его в католичество или протестантство, то есть во внешнее подобие религии для чисто практических нужд самоорганизации общества потребления, которое надо успокаивать и настраивать на деловой лад проповедями типа: *достаток угоден Богу, верующий уже прощён*.

Поэтому для такой рационализированной цивилизации Православие представляется смертельной метафизической угрозой самому способу её существования без Бога. И ясно почему: поиск в себе нового человека, вплоть до духовного перерождения, начинается с решительного отказа от иных земных, вредных для души «ценностей». А много ли найдётся людей, способных на этом пути идти до конца? Даже умнейшая княгиня Волконская в пушкинские времена не смогла переступить себя и перешла в католичество, чтобы наслаждаться изысканным католическим обществом в любимом Риме! Эстетам вечного города фрески великих художников на библейские сюжеты часто были дороже поисков Царствия Божьего внутри себя. Не религия, а всё, что вокруг религии, составляло смысл их чувственных переживаний. Храм, иконы — как украшение, как эстетическое средство для смягчения нравов. Но человек должен переживать смысл таинств, быть «внутри» их! Только тогда он может стать другим.

Духовное сражение тьмы со Светом продолжается по сей день с невиданным упорством. Именно поэтому «правлящие у нас бал» в культуре либералы стараются всячески оградить читателей от тех редких книг и научных трудов, которые рассказывают историю российского масонства, где, кстати, обитал духом и граф Сперанский, описанный в вышеупомянутой статье Бориса Башилова. О.А. Платонов написал книгу о тайных обществах в России. Кто знает о ней? Я узнал случайно из книги другого автора. А у Платонова — достоверные, взятые из архивов факты о жизни великосветской России: *«почти все люди тогдашнего высшего общества при обращении своём к вере имели обыкновение примыкать не к православию,*

на которое смотрели свысока, как на веру исключительно простонародную, а к аристократическому, блестящему католицизму, а еще чаще к бездогматному, мнимо-возвышенному и модному тогда по всей Европе мистицизму, который позволял им верить во всё и не во что».

Есть истина на все времена: гордыня — источник всех других смертных грехов. Эту истину донесли до нас святые отцы. В переложении на обычный народный язык можно смело сказать, что даже самых умных людей гордыня в один миг и надолго делает беспросветными дураками. Российские масоны страдали гордыней высокого уровня, не дурацкого. *«С момента образования в 1802-м году министерской системы многие ключевые посты, вплоть до запрещения тайных обществ в 1822-м году, занимали высокопоставленные масоны. Среди масонов русских людей было не более двадцати процентов».*

Российские масоны, входящие в глобальную наднациональную структуру власти, управляли и управляют не только политикой, экономикой страны, но и отечественной культурой, противостоя ей высоким народным образцам. А посему не стоит удивляться нападкам на Василия Шукшина. В заголовок своей статьи, опубликованной в «Сибири», писатель Анатолий Заболоцкий вынес вопрос: «Кому выгодно перелопачивать Шукшина?» Ответ «лежит на поверхности» — в нынешнем «комфортном потребительском, рыночном способе жизни», где всего понемножку: религии для самоуспокоения, порядочности для поддержания имиджа, рассудка для того, чтобы держаться «наплаву», и только вранья — тьма...

Православную натуру человека атеисты всех мастей под личинами либералов и демократов не приемлют принципиально именно из-за того, что само существование таких людей — страшный упрек Божий всем им... с самого Неба! Интуитивно чувствуя угрозу будущего духовного возмездия, нынешние «фарисеи» лихорадочно ищут выход и, как всегда, не там, где он может быть.

Анатолий Заболоцкий приводит в статье мнение Ю.Н. Арапова о том, что *«своим творчеством Шукшин и, не в меньшей степени Николай Рубцов... констатируют угасание русской нации. Спасут только многомиллиардные дотации какого-нибудь международного сообщества для двух-трёх поколений русского народа, а также сильная кровь и организованность еврейского племени».* По-прежнему эти господа надеются на внешние факторы. Кто-то придёт и русский люд «спасёт», но, как всегда, без русского участия. Многомиллионные дотации окончательно утвердят образ жизни потребительский до примитивности, «народят» миллионы обычных участников всемирного общества потребления. Такая обывательская публика никакого высокого искусства признавать не будет, религию забудет совсем, да ещё своим хозяевам будет грубить. Среди подобной толпы «русскоязычные деятели» в очередной раз сильно заскучают и, скорее всего, уедут на Запад.

Анатолий Заболоцкий приводит убийственные цитаты из литературной «грязни». Какого «нового человека» могло создать советское общество при такой вражде в искусстве, литературе?! Подвели Горького многие «инженеры человеческих душ». Вместо того чтобы порученную им народную «машину» перенастроить на новый лад, стали её ломать, применять чужие, не подходящие ей «запчасти». В страшном сне Горький не мог себе представить, что главные воспитатели народа в духе построения социализма вдруг разочаруются в порученном им деле и ударятся в диссидентство.

Статья Василия Козлова «Цыганочка с выходом» ещё раз иллюстрирует неблагополучие в нашей литературе с советских времён. Деятельность литературных сообществ в России напоминает школу, где работают учителя с диаметрально

противоположными взглядами по одним и тем же предметам. Государственная власть и в советское время, и сейчас не знает, что со всем этим всем делать. Может быть, за основу подхода к литературе как к общественной деятельности, взять пример Пушкина, который «наше всё»! Давайте вспомним, что у знаменитой фразы Аполлона Григорьева есть продолжение: *«Пушкин — пока единственный полный очерк нашей народной личности, самородок, принимавший в себя... все то, что принять следует, отстранивший все, что отстранить следует, полный и цельный... образ народной нашей сущности».*

Пора уже российскому обществу открыто поддерживать тех литераторов, которые пытаются выразить нашу народную сущность во всей её возможной для их таланта цельности! Чтобы все произведения выражали не только собственное «я» автора, но и духовное состояние большинства окружающих его соотечественников, переживание ими своей судьбы!

В своё время кому, кроме Валентина Распутина, нужны были старушки из глухой деревни, попавшей под затопление в связи со строительством ГЭС?! Кто из столичных знаменитостей озаботился о внутреннем мире этих хранительниц народной коллективной души?! Кто из новых «либералов»-авторов «демократической», а точнее переродившейся, газеты «Советская молодёжь», других подобных изданий, выступил в защиту заброшенных деревень и посёлков?! Как журналист, читавший всю областную периодику с середины 1980-х годов, то есть с начала так называемой «перестройки», я могу утверждать, что такие публицисты, как Виталий Диксон, были заняты только «разрушением» прежних общественных идеалов, не предлагая взамен ничего позитивного, кроме неограниченной свободы для эгоистов-себялюбив. Для «выпуска желчи» использовались фельетоны. Желчи накопилось так много, что тексты оказались перегруженными злобой, иронией, насмешкой над тем, что много лет ценило большинство читателей. Кто авторов на этот «погром» советского общества уполномочил?.. Неизвестно! Но они везде с лёгкостью необыкновенной приклеивали обидные ярлыки, в том числе и «антисемитов» в отношении людей с внутренней православной культурой.

Историк русской литературы Дмитрий Петрович Святополк-Мирский очень точно подметил, что у русского поэта Николая Некрасова был «комплекс социального сострадания. Страдания народа было для него эманацией, символом его собственных страданий». По сути, творческие люди только с таким «комплексом» способны своей деятельностью «скрепить» наш народ для достижения высоких целей. Они — подарок судьбы именно для нашего государства, для нашего общества. Но именно они с 90-х годов служат объектом самых бешеных нападков со стороны «рыночных» эгоистов, имеющих власть и влияние! Как зловещая тень «отца Гамлета» видится им за естественным для православного человека состраданием к русскому народу то «чёрная сотня», то большевистский реванш!

Пора бы уже перестать бояться призраков и приступить к созидательной работе. О том, какой работа должна быть, свой взгляд у писателя Леонида Бородина. В беседе с критиком Владимиром Бондаренко он излагает свои идеи. На вопрос: что за государство вы хотели построить? Писатель ответил: «...В целом наша программа сводима к трём тезисам: христианизация экономики, христианизация политики, христианизация культуры. Это не создание теократического государства, а ориентация, направление поисков. В нашем верховном органе предполагалась одна треть священников, и они имеют право вето. Любой закон должен быть удостоверен основными положениями Православия».

Кажется, совсем недавно за такие душеспасительные идеи давали реальные тюремные сроки. Удивительна наша страна! Именно её патриоты чаще всего подвергались преследованию, несправедливой критике, замалчиванию. Много ли мы знали о выдающемся русском художнике Александре Москвитине?! Журнал «Сибирь» публикует статью Татьяны Соловьёвой, прилагая к статье репродукции живописных произведений сибирского художника, и взору, воображению читателя открывается неисследованная страница талантливой русской живописи.

Творчество А. Москвитина — для всех, взыскующих душевную красоту. Оно в стороне от модернистских мод и салонов, от хорошо оплачиваемых игр в «искусство», которые много лет назад начал ещё Сальвадор Дали, развлекающая богатую публику сюрреалистическими фантазиями.

Русский — не национальность, русский — особая цивилизация! Так говорится в материале. Удачный художественный образ неповторимого человеческого сообщества. «Живопись Александра Москвитина в иных произведениях — имперская евразийская симфония, где слились мелодии сибирских народов, в других полотнах — музыка нечеловеческая, музыка Вселенская» А если добавить сюда панорамы Ильи Глазунова, музыку Георгия Свиридова, народную прозу писателей-деревенщиков, так и получится особая русская цивилизация. Та, которая идёт ещё от поэта Николая Некрасова и отличается «комплексом социального сострадания»

Снова вспомним слова Аполлона Григорьева о том, что «Пушкин — наше всё». Неведомо, позволил бы нам, потомкам, автор этой крылатой фразы вольно пользоваться его творением. Но если на свой страх и риск применить это выражение к другим областям нашей духовной жизни, то для обозначения полной концентрации качеств, например, православного толстого журнала, предназначенного для всех российских читателей, можно было сказать, журнал «Сибирь» — православное наше всё! Без Бога не до порога: православное мировоззрение в журнале проявляется в любом опубликованном произведении, независимо от формы и содержания. И жива страна, где ещё издаются такие журналы.